

Городской голова

Рассказ

История многих людей в старом Таганроге причудлива и петлиста.

Таганрогский аптекарь И. Дельсон, хилый и маленький старичок с козлиной бородкой, обладал фантазией и тщеславием Тартарена из Тараскона.

Начиная хвастать, он терял всякую меру. Из его рассказов помнится запуганная история о необычайной дружбе, которую якобы Достоевский питал к аптекарю. Когда старый враль бывал в ударе, из его повествования можно было заключить, что он писал для своего друга наиболее трудные главы романов, а, например, «Преступление и наказание» будто бы было написано Дельсоном

целиком, с начала и до конца, и к тому же — за один вечер.

Трагедия беззлобного вряля была в том, что местные слушатели знали его репертуар наизусть и неделикатно высказывали ему недоверие. Рассказчику это было до крайности обидно — он сам, увлекаясь, верил в то, что рассказывал.

Но случилось однажды так, что ему поверили, и окончилось это худо.

Странные дела стали твориться в городе. Осенью 1917 года в Таганрог приехал бежавший из Петрограда кадетский лидер Родичев и выступил на митинге, организованном местными кадетами в большом зале кинотеатра «Аполло». Тон ораторских выступлений по адресу большевиков был явно погромным.

В зале бросалось в глаза обилие калединских офицеров и юнкеров, демонстративно аплодировавших заявлениям о скорой гибели «захватчиков власти».

Неожиданно на сцене появился Дельсон. Он был в чрезвычайном ажиотаже. Наконец-то его будут слушать не двое-трое знакомых, а полный зал!

Задыхаясь от волнения и радости, он закричал, напрягая старческий, надтреснутый голос:

— Карл Маркс не раз советовался со мною, когда писал свои труды!..

В зале вспыхнул смех, но в группе офицеров, державшихся особняком, раздались злобные выкрики:

— Кто пустил этого большевистского прихвостня?!

— Наверно, он приехал в запломбированном вагоне!

— Да, в запломбированном! — крикнул в восторге аптекарь. — Слушайте же, я вам сейчас расскажу, как мы ехали...

Но знакомые уже уводили полупомешанного старичка за кулисы.

Он немного посидел там в одиночестве, что-то бормоча и с кем-то продолжая спорить, потом, нащупав в полумраке дверь, вышел в темный сад, шумевший голыми верхушками деревьев. А утром аптекаря нашли на аллее мертвым, с головой, разможенной чем-то тупым и тяжелым, вероятно рукояткой офицерского пистолета...

Может быть, этот рассказ нуждается в добавлениях. Может быть, стоит рассказать о неожиданном знакомстве старого аптекаря с городским головой, меценатом и богачом доктором Павлом Федоровичем Иордановым, с которым состоял в переписке Чехов, и о странной попытке аптекаря связать свое имя с сооружением и Таганроге памятника Петру Первому.

Иорданов был женат на богатейшей землевладелице Таганрогского округа Лякиер. Землевладелице, а не помещице: ей принадлежало не так уж много (на тогдашний счет) сотен десятин земли, но вся эта земля была под знаменитыми фруктовыми садами промышленного значения. Злые языки говорили, и, кажется, не без основания, что истинная девичья фамилия жены городского главы была не Лякиер, а Лякер: буква «и» заставляла звучать фа-

милию на французский манер. Кажется, аптекарь Дельсон состоял в каком-то родстве с семейством Лякер. Вероятно, так и было, иначе чем объяснить частное знакомство старого бородатого аптекаря с блестящей дамой, всегда одетой по последней парижской моде, женой будущего члена Государственного совета?

А между тем мадам Иорданова частенько заезжала в квартиру Дельсонов и подолгу беседовала с женой аптекаря, знаменитой в городе Миной Марковной. Это была веселая и острая на язык старуха. Позже, в 1914 году, когда Мину Марковну война застала на каком-то заграничном курорте и она кружным путем, морем через Швецию, вернулась в Таганрог, счастливо избежав немецких мин, она сама острила по этому поводу, что, мол, старику Дельсону не повезло: жена его избежала мин, а он сам столкнулся с Миной.

Впрочем, она относилась к старику очень заботливо и терпимо. Его отчаянную похвальбу и вранье она пропускала мимо ушей и только с сожалением наблюдала, как подраставшие два ее сына, Роберт и Иосиф, полностью и даже, кажется, с добавкой унаследовали склонность отца к лживым и хвастливым рассказам.

Иногда мадам Иорданова приезжала к старикам Дельсонам со своими двумя же сыновьями — сверстниками сыновей Мины Марковны — Михаилом и Сергеем. Оба мечтали о поступлении в привилегированное высшее учебное заведение, училище правоведения или хотя бы в Александровский лицей. Оба были оболтусами, но каждый на свой лад: Михаил был оболтус меланхолический, а Сергей — сангвиник. Это мало что меняло. И Михаил и Сергей считали появление их матери у жалкого аптекаря ужасным шокингом.

Они сидели за столом «этого старого еврея» вытянувшись, точно аршин проглотивши. Мина Марковна радушно приглашала их отведать многочисленные вкусные яства, стоявшие на столе, но они чопорно отказывались, шелкая под столом каблуками лаковых туфель.

— Да вы кушайте, — уговаривала их Мина Марковна. — Вы, может, думаете, что мы кладем в пироги христианскую кровь? Нет, мы ее кладем только в мацу!

Она не очень весело смеялась. Мадам Иорданова делала ей большие глаза.

Возможно, что именно чопорные Михаил и Сергей Иордановы зародили в Роберте и Иосифе Дельсонах тягу «наверх». Роберт рвался в столицу, а Иосиф однажды заявил матери, что у него открылся голос и что он поступит в консерваторию.

— Голос? — язвительно переспросила Мина Марковна. — Голос тебе пригодится и на юридическом факультете.

Добыть обоим сыновьям звание помощника присяжного поверенного было для Мины Марковны пределом мечтаний. Роберт вскоре уехал учиться в Петербург, и следы его на много лет затерялись. Только в конце двадцатых годов его фамилия промелькнула в нашей прессе: эмигрировав в Лондон, Роберт Дельсон, бывший русский присяжный поверенный, стал видным адвокатом в Англии с немалой известностью и практикой. Именно ему, судя по газетам, поручила одна из уцелевших русских великих княгинь ведение знаменитого дела об истребовании бриллиантов русской короны. Дело это он, впрочем, с треском проиграл.

Что же касается Иосифа Дельсона, то, учась на юридическом факультете в столичном университете, одновременно — по крайней мере, по его утверждению — он учился в Петербургской консерватории по классу пения, совершенствуя свой природный бас. Хотя, приезжая на вакации в Таганрог, он подробно рассказывал о своих необыкновенных успехах именно в пении, таганрожцы ему не верили. Легкомысленной репутации Оси, как все звали Дельсона-младшего в Таганроге, способствовали его смешная наружность круглолицего толстяка с бычьей огромной головой и его желание выглядеть «белоподкладочником», как тогда называли особо франтящих и подражающих гвардейским офицерам студентов.

Конечно, оба молодых Иордановых, приезжая на рождественские каникулы в Таганрог, далеко оставляли за собой Оську, хотя тот напяливал студенческий мундир, который так редко можно было увидеть (студенты обычно носили тужурку или форменный сюртук), и шпагу, что совсем уж было в редкость. Рядом с блестящими мундирами лицеистов, в кото-

рых щеголяли высокие, худосочные и прыщавые братья Иордановы, Оська проигрывал и сам это понимал. Он компенсировал проигрыш невероятной похвальбой о своих успехах певца. Он уже утверждал, что его приняли на сцену императорского Мариинского театра в Петербурге, что он дебютировал в Милане в театре «Ла Скала» в роли Мефистофеля и что Шаляпин от зависти заболел. Когда же таганрожцы приглашали Осю спеть на благотворительном концерте или просто на именинах, Ося обижался и отвечал, что ему профессора запретили петь слишком часто:

— Я ведь не любитель какой-нибудь!

Что касается Дельсона-отца, тот удваивал и утраивал похвальбу младшего сына и рассказывал истории совсем уж фантастические, например, что итальянский король Виктор Эммануил валялся в ногах у Оси, умоляя навсегда поселиться в Италии, или что папа римский катал Осю в ландо, причем прохожие спрашивали друг друга: «Кто этот старик, который сидит в ландо рядом с знаменитым русским певцом Иосифом Дельсоном?!»

Потом Ося вдруг переменил амплуа. Спустя год или два, приехав в Таганрог, он уже ни слова не говорил о консерватории и о своих успехах певца, а солидно рокотал (бас-то у него все же был!) о своей карьере банкира. Будто бы знаменитый банк Лионского кредита пригласил его на пост вице-директора.

На следующий год слегка облысевший Дельсон-младший толковал уже не о Лионском, а о Международном банке, к тому же утверждая, что побывал в Лондоне у английских финансистов и договорился занять должность директора ростовского филиала.

— Разве вы говорите по-английски? — высокомерно спросил его старший из сынков Иорданова.

— Лучше, чем вы — по-русски, — дерзко ответил Ося.

— Говорит ли он по-английски? — с хорошо деланным удивлением переспрашивал любопытствующих знакомых Дельсон-отец. — Я сам читал ему вслух Диккенса по-английски, когда Осе было десять лет!

Забегая несколько вперед, скажем, что в 1919 году в Ростове он действительно занял пост директора крупного отделения именно Международного банка. Как и почему это случилось — неизвестно. Но случилось. Ося был поистине человеком больших неожиданностей!

Правдой отчасти обернулось и вранье Дельсона-отца относительно собственных его связей с русскими писателями. Что касается сказки о близости с Достоевским — Дельсон утверждал, что «Братья Карамазовы» написаны под его, аптекаря, влиянием, — это было чепухой, а вот случайное личное знакомство аптекаря с Чеховым, кажется, и в самом деле произошло.

В один из приездов в Таганрог Антон Павлович как-то зашел вечером в аптеку Дельсона. Со звоном открылась дверь в аптеку, и на звонок из каких-то глубин, а точнее — из квартиры, спрятанной на антресолях, вышел заспанный аптекарь с седеющей бородой и ворчливо спросил, что надо. Он взглянул на рецепт, бормоча жалобы на судьбу, не дающую покоя ни днем, ни вечером, и вдруг прочел латинские слова «Pro me», что значит — «Для меня», и увидел подпись Чехова. Он внимательно посмотрел поверх очков на посетителя...

Это было возможно. Но дальше шло уже то, что на таганрогском языке именовалось «брехня»: Дельсон будто бы обнял Чехова, который, как известно, вовсе не был склонен к фамильярностям, и повел его к себе на антресоли, где Ося стал не то петь для гостя «Блоху», не то читать вслух Шекспира в подлиннике.

В рассказе «Неосторожность» Чехов смешно описывает старого аптекаря, жалующегося на судьбу: «Каждая собаке, каждая кошке имеет покой...» Дельсон клялся, что это списано с него. Утверждал старый Дельсон еще и другое: что именно он подал городскому голове Иорданову идею просить Чехова помочь в сооружении в Таганроге памятника Петру Первому. Дело было так: однажды аптекарь вошел в свою гостиную, когда там была мадам Иор-

данова, и не очень внятно произнес взволнованный монолог. В общем, урожденная Лякиер поняла просьбу старика передать мужу, что если уж ставить кому-нибудь в Таганроге памятник, о чем усиленно говорят, то именно Петру, поскольку он насадил здесь дубовую рощу и лично посетил город. Правда, город посетил и другой царь, Александр Первый, и даже всемилостивейше соизволил умереть здесь, но рядом с Петром он проигрывал и ростом и заслугами, и к тому же одному Александру, именно Второму, памятник в Таганроге уже имелся. Помнят старые таганрожцы, что какие-то колебания в выборе царской фигуры для памятника среди управцев были. Кто знает, может статься, что мнение властной мадам Иордановой, если только она приняла точку зрения Дельсона, и сыграло какую-то роль...

Деятельная переписка Чехова с городским головой Иордановым хорошо известна. Известно, что именно по просьбе Чехова замечательный скульптор Антокольский безвозмездно выполнил модель памятника и отлил в бронзе за свой счет, не взяв с города ни рубля. Такова была дань любви замечательного скульптора замечательному писателю.

Привычные хапуги из так называемого городского самоуправления Таганрога меньше всего ожидали отказа прославленного скульптора от многотысячного гонорара и заранее заверстали в свой личный доход некий «навар», привычный для них во всех случаях подрядов и поставок для города.

Узнав, что заказ столичному скульптору должен стоить тысяч двадцать пять, а то и больше, управцы составили смету на сорок две тысячи рублей, считая, что тысяч пятнадцать им останется наверняка. Если бы член управы Кулаков, непосредственно ведавший материальной частью, к тому времени не проигрался шибко в карты, возможно, что он не стал бы форсировать события.

Однако ему невмоготу стало ждать представления счета, и он уже заранее положил в карман пятнадцать тысяч городских средств, имея в виду позже «перекрыться» исполнительной сметой. Антокольский сразу же разбил все расчеты хапуги, отказавшись от вознаграждения. Об отказе напечатала местная газета «Таганрогский вестник», известие распространилось слишком широко. Что же оставалось делать? Вернуть в кассу пятнадцать тысяч?

Павлу Федоровичу Иорданову, чуждому корысти (благодаря крупному состоянию жены он в деньгах не нуждался), стало доверительно известно о затруднениях члена управы Кулакова, и он рвал и метал. Что скажет Чехов?! В суд! Прокурору! Доложить на заседании городской думы!

Пыл Павла Федоровича охладила его супруга. Дело в том, что шалопаи сыновья то и дело присылали ей слезные письма с просьбой перевести телеграфом от одной тысячи до трех, во избежание «бесчестия и пули в лоб»: речь обычно шла о карточных проигрышах то старшего, то младшего оболтуса, изо всех сил подражавших в столице образу жизни золотой молодежи. Елена

Александровна Иорданова предпочитала улаживать неприятности, не посвящая в них мужа, человека вспыльчивого. Она брала деньги у своего управляющего садами. На этот раз управляющий заупрямился: урожай еще не поспел, а продавать на корню — значило продешевить немало. На помощь любящей матери пришла случайность: история с присвоением Кулаковым крупной суммы в счет ожидавшегося, но сорвавшегося «отчисления». Посредницей оказалась аптекарша Мина Марковна.

Зная о знакомстве или даже, быть может, родстве ее с блестящей супругой городского головы, Кулаков поведал ей свое горе.

— Мадам Дельсон, — сказал в заключение, задыхаясь от астмы, толстяк Кулаков, с багровым лицом и огромной шишкой на лбу, — выручайте! А уж что касается благодарности...

— Пять тысяч, — коротко сказала Мина Марковна, Кулаков открыл рот и даже не делал усилий его закрыть.

— Да, пять, — твердо повторила Мина Марковна. Иорданчихе для сына надо три, а мне, по-вашему, за хлопоты две много?!

Порешили на четырех. Точно предвидя размер неизбежной жертвы, Кулаков прихватил с собой завернутые в носовой платок именно четыре тысячи рублей хрустящими пятисотенными с изображением Петра, из-за памятника которому загорелся сыр-бор. Сделка состоялась, и на следующий день, утром, умиротворенная Елена Александровна сказала мужу:

— Поль, ты просто ничего не понял в истории с этими глупыми деньгами. Оказывается, Кулаков истратил на памятник не пятнадцать, а гораздо больше!

— Да, он проиграл восемнадцать, — язвительно согласился Иорданов.

— Да нет же, он уплатил рабочим за эту... как ее? Отливку!

— За отливку памятника в бронзе уплатил сам Антокольский, — сердито возразил городской голова.

Мадам Иорданова мило засмеялась.

— Что-то там оказалось не в порядке, пришлось заново переливать. Да у Кулакова все расписки!

— Это кто же, твоя Мина поведала?

Лицо Иорданова, холеное лицо интеллигента лет за сорок, покраснело от гнева. Впрочем, нос у него всегда и в спокойном состоянии почему-то сохранял бурачный оттенок, хотя никто никогда не видел городского голову в состоянии подпития.

— Я не понимаю, зачем ты к ней едешь! — крикнул Иорданов с запальчивостью и стукнул кулаком по столу.

Видимо, этот жест был лишним. С Иордановым случилось то самое, что и до и после него случалось со слабыми людьми: он переиграл и вынужден был отступить. Елена Александровна разбушевалась и даже прибегла к угрозе «порвать с вами и уехать!». Павел Федорович особенно был травмирован этим местоимением во множественном числе: он в душе всегда опасался, что его блестящая и богатая жена когда-нибудь бросит его.

Примирение состоялось на условиях безоговорочной капитуляции мужа. О деньгах, будто бы присвоенных Кулаковым, с этого момента не стало речи ни между супругами, ни в думских кругах. Пятнадцать тысяч рублей были списаны на памятник Петру Первому. Сам гневливый царь поступил бы, наверно, иначе и велел бы Кулакова отодрать, но царствовавший тогда Николай Второй был милостив к хапугам, и вообще, как говорится, ему было не до того.

Десятилетием или двумя позже Павел Федорович Иорданов, уже не городской голова, а член Государственного совета, возил автора этих строк на прием к знаменитому министру просвещения царской России Кассо.

Этот был тот самый год, когда впервые за всю историю царской России ее министра били по физиономии в присутственном месте. Ранее бывало всякое: министров убивали бомбой, стреляли в них, но бить по лицу — не били. В этом смысле молодой, жизнерадостный министр Кассо был, так сказать, новатором.

Дело было так. Кассо сидел с дамой в известном петербургском ресторане Донона, когда в зал вошел студент-первокурсник, сын этой самой дамы, и, увидев свою мать с каким-то посторонним мужчиной, отмстил за честь отца: подошел и залепил кавалеру звонкую пощечину. Кассо не нашел ничего лучшего, как вскочить и крикнуть на весь замерший зал:

— Как вы смеете?! Я — министр его императорского величества!

Тотчас двинулся из-за своего прикрытия всегда дежуривший в ресторане околоточный и добросовестно составил протокол о том, что «студент Беликов ударил рукой плашмя по лицу господина Кассо Льва Аристидовича». Протокол облетел все либеральные газеты, давно точившие зубы на ультрачерносотенного министра.

Университеты России ответили на известие трехдневными забастовками протеста, а царь, видимо в утешение, пожаловал Кассо высший орден империи — Андрея Первозванного, и битый сановник продолжал ведать «просвещением».

Это произошло в марте 1912 года, а незадолго, в октябре 1911-го, я приехал в Петербург хлопотать о переводе с первого курса юридического факультета Харьковского университета на такой же курс Петербургского. По идее это, казалось бы, не заключало особых

трудностей, но по циркуляру Кассо было затруднено до крайности. Циркуляр предписывал «лицам иудейского вероисповедания» поступать только в университет «своего» округа.

Своим округом я должен был считать Харьковский, поскольку окончил Таганрогскую гимназию, входившую в этот округ. Я туда и поступил.

А вот теперь я искал возможности перевестись в столичный университет по семейным обстоятельствам (моя родня жила в Петербурге).

Мой отец списался с Иордановым — коллегой по врачебной профессии, и милейший Павел Федорович немедленно изъявил согласие мне посодействовать. Он был рад показать землякам свое могущество в новом положении члена Государственного совета.

В общем, в некое холодное, серое петербургское утро за мной на Пески заехал в своей карете Иорданов.

День оказался неприятным. Впрочем, общий прием мало нас устроил бы: обычно посетителей («просителей») выстраивали в зале полукругом, а сановник обходил всех и две-три минуты выслушивал жалобы и просьбы каждого. Затем секретарь отбирал заранее приготовленные прошения — и машина двигалась дальше. Трудно было в таких условиях добиться толку!

Визитная карточка Иорданова с указанием его положения члена высшей «законодательной» палаты сделала свое дело: министр принял нас в своем мрачном кабинете, наполовину занятом огромным письменным столом. Это был совсем нестарый человек, с каштановой бородкой клинышком, в визитке, с бриллиантовой заколкой в галстук. Словом, у министра оказался довольно интеллигентный вид.

Кассо поздоровался с нами кивком головы и пригласил сесть.

— Чем могу?.. — спросил он приятным баритоном, обращаясь к Иорданову.

Иорданов вынул заранее заготовленное прошение, заговорил, и я с удивлением заметил, что он робеет и, вероятно, потому излагает суть дела довольно бестолково. Кассо, впрочем, его понял.

— Молодой человек — иудейского вероисповедания? — вежливо переспросил министр, глазами указав на меня. И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Дайте прошение.

Иорданов подал, и Кассо острым четким почерком написал в уголке резолюцию, которую тут же и прочел вслух:

— «Перевод разрешаю при условии, что одновременно какой-либо студент императорского Петербургского университета, также иудейского исповедания, пожелает перевестись в Харьков».

Нам ничего не оставалось делать, как откланяться и уйти.

— Хочет баланс соблюсти... каналья! — процедил еле слышно Иорданов, когда мы вышли на улицу. — Все же надо попробовать!

Я попробовал. В газете «Русское слово» поместил объявление: «Ищу студента Петербургского университета, еврея, желающего перевестись в Харьков. Звонить по телефону...» Над этим объявлением в те дни в столице много потешались, и мне со всех сторон звонили остряки.

— Желаете вывести гонимое племя из Петербурга? А как обмен, с доплатой?

В конце концов отыскался вполне серьезный претендент. Я помню, что его звали Гриша Барский и что он отлично играл на бильярде. Нам казалось, что дело в шляпе: ведь есть резолюция господина министра!

Мы написали и передали в канцелярию короткое прошение на имя Кассо: «согласно Вашей резолюции» и прочее, я желаю перевестись в Петербург, а Барский — в Харьков.

К нашему изумлению и огорчению, Кассо нам отказал. Основание? Вот оно: «Имея в виду, что один из просителей — студент юридического факультета (это я), а другой — физико-математического (Барский)».

Я был уже в Харькове, когда до нас докатилась весть о мордобое в ресторане Донона. На общефакультетской сходке я внес к основному предложению о трехдневной забастовке

добавление: «Выразить коллеге благодарность за нанесение пощечины». Поправку встретили дружным смехом, но отвергли...

ЦГТБ имени А. П. Чехова